

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ ЭПОХИ В «ЗАТЕРЯННОМ МИРЕ» А. КОНАНА ДОЙЛА

THE LITERARY REFLECTION OF CONTEMPORARY SCIENTIFIC THOUGHT IN A. CONAN DOYLE'S "THE LOST WORLD"

D. Portnyagin
V. Balakhonova

Summary: The article analyzes the reception of the Victorian era's scientific paradigm through the lens of Arthur Conan Doyle's novel *The Lost World*. It examines how scientific debates of the period are reflected in the work's artistic structure, primarily through the character of Professor Challenger. Particular attention is paid to the semiotics of the isolated plateau as a space of arrested evolution and to the paleontological reconstructions linked to the author's personal interest in British fossil discoveries. The study also reveals the synthesis of scientific and imperial discourses embodied in the figure of the scientist-explorer. Ultimately, the article demonstrates how Doyle's novel serves as a stage for a complex dialogue between the scientific knowledge and cultural imagination of its time.

Keywords: Arthur Conan Doyle, *The Lost World*, Darwinism, professor Challenger, science fiction, Victorian literature.

Портнягин Дмитрий Валерьевич
кандидат филологических наук, доцент, Курганский государственный университет
portdim73@mail.ru

Балахонова Вера Анатольевна
кандидат биологических наук, доцент, Курганский государственный университет
balachonovava@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу рецепции научной парадигмы в викторианскую эпоху на материале романа Артура Конана Дойла «Затерянный мир». Исследуется, как научные дискуссии находят отражение в художественной структуре произведения, прежде всего в образе профессора Челленджера. Особое внимание уделяется семиотике изолированного плато как пространства законсервированной эволюции и палеонтологическим реконструкциям, связанным с личным интересом автора к британским ископаемым находкам. В работе также раскрывается синтез научного и имперского дискурсов, воплощенный в фигуре ученого-первоходца. В итоге статья демонстрирует, как роман Дойла становится площадкой для сложного диалога между научным знанием и культурным воображением его времени.

Ключевые слова: Артур Конан Дойл, «Затерянный мир», дарвинизм, профессор Челленджер, научная фантастика, викторианская литература.

Викторианскую эпоху, современником которой являлся Артур Конан Дойл (Doyle, 1859–1930) научная парадигма оказала существенное воздействие на формирование интеллектуального климата. В частности, сложно обнаружить представителя британского общества того периода, чья система взглядов осталась бы совершенно не затронутой распространением эволюционного учения. Для пытливого сознания молодого Дойла, получавшего медицинское образование, данная теория приобретала особое значение, поскольку представляла собой не просто очередную научную гипотезу, но воплощала принципиально новый подход к познанию, бросавший вызов традиционным авторитетам в исследовании проблем генезиса органической жизни. В автобиографическом произведении *“Memories and Adventures”* (1924) Дойл, ретроспективно оценивая студенческий период, отмечает: “It is to be remembered that these were the years when Huxley, Tyndall, Darwin, Herbert Spencer and John Stuart Mill were our chief philosophers, and that even the man in the street felt the strong sweeping current of their thought, while to the young student, eager and impressionable, it was overwhelming” [8, p. 26].

Исследовательская проблематика сохраняла свою значимость в культурном багаже Артура Конана Дойла и после завершения им медицинского образования,

получив многоплановое воплощение в его литературном творчестве. Наиболее репрезентативным текстом в данном случае выступает его дебютный роман в жанре научной фантастики *“The Lost World”* (1912). В рамках настоящей статьи предпринимается попытка анализа академических концепций, представленных в указанном произведении, посредством изучения художественной функции и концептуализации персонажей, семиотики географического пространства, презентации палеонтологических реконструкций в образах динозавров. Анализ указанных элементов проводится в корреляции с научными парадигмами и дискуссиями, характерными для естествознания конца XIX — начала XX столетия. Особое внимание уделяется тому, каким образом художественное осмысливание эволюционных идей в романе отражает сложный диалог между научным знанием и культурным воображением эпохи.

С самого начала повествования в романе *“The Lost World”* актуализируется научная проблематика, занимающая центральное место в художественной структуре произведения. Профессор Челленджер, выполняющий роль учёного протагониста, позиционируется как авторитетный представитель зоологической науки своего времени, о чём свидетельствуют его публикации, в частности работа *“Outlines of Vertebrate Evolution”* [7, p. 21]. В

процессе нарративного развёртывания сюжета журналист Эдвард Мэлоун, выступающий в роли рассказчика, устанавливает, что текущие изыскания учёного сосредоточены на полемике вокруг концепций Вейсмана и Дарвина. Знакомство с научной статьёй "Weissmann versus Darwin" [Ibid., p. 25] позволяет Мэлоуну реконструировать обстоятельства публичной лекции Челленджера, сопровождавшейся академическим скандалом, во многом инспирированным эмоционально насыщенной манерой презентации профессора. Инкорпорация в нарратив фигур Дарвина (Darwin, 1809-1882) и немецкого зоолога Вейсмана (Weissmann, 1834-1914) (транскрибированного Дойлом с орфографической неточностью, но сохраняющего концептуальную узнаваемость) в качестве центральных элементов научной полемики выполняет двоякую функцию: осуществляет проспекцию последующего развития исследовательской тематики в романе и одновременно репрезентирует эпистемологический статус дарвиновской теории в научном дискурсе раннего XX столетия.

Профессор Челленджер у Дойла демонстрирует выраженную критическую позицию по отношению к теории зародышевой плазмы Вейсмана. Научные детали не имеют определяющего значения для понимания «Затерянного мира» — в отличие от традиций «жесткой» научной фантастики конца XX века — выполняя прежде всего характерологическую функцию, подчеркивая научную компетентность как автора, так и главного героя. Тем не менее, включение различных представителей биологии в нарратив «Затерянного мира» обладает более глубокой семиотической функцией, нежели простое упоминание авторитетных имен. Роберт Фрейзер, в частности, интерпретирует референцию к Вейсману в качестве нарративного предвосхищения сквозной темы дегенерации, получающей развитие в романе [10, p. 69–70]. Данный аналитический подход позволяет рассматривать научные аллюзии не как статичный элемент фонового знания, но как динамичный компонент поэтики, участвующий в формировании основных мотивно-тематических комплексов произведения. Челленджер отождествляет себя с Дарвина, о чём свидетельствуют его громкие заявления: "You persecute the prophets! Galileo, Darwin, and I" [7, p. 76], произносимые в защиту своих научных теорий от предполагаемого невежества публики. Для Челленджера научная деятельность приобретает характер революционного действия, эмоционально заряженного процесса. Его бескомпромиссная манера изложения отчасти реминисцентна о Т.Г. Гексли (Huxley, 1825-1895) — последовательном защитнике дарвиновской теории, получившем прозвище "Darwin's Bulldog" [6], — которым Дойл восхищался в студенческие годы [19, p. 50].

Впоследствии Мэлоун присоединяется к экспедиции Челленджера в затерянный мир, расположенный

на загадочном южноамериканском плато. К началу XX столетия неизведанные регионы на карте мира стали исключительной редкостью. Как отмечает редактор газеты Мэлоуна, "The big blank spaces in the map are all being filled in, and there's no room for romance anywhere" [7, p. 19]. В 1910 году Дойл высказал схожую мысль в своей речи в Royal Societies Club, задавшись вопросом о том, "where the romance writer was to turn when he wanted to draw any vague and not too clearly defined region" [4]. Внутренние области Африки, Южная Америка и арктические регионы всё ещё сохраняли на мировой карте определённые «белые пятна» и поэтому оставались излюбленным фоном для приключенческой литературы той эпохи: романов Хаггарда (Haggard, 1856-1925) "King Solomon's Mines" (1885) [11] и "She: A History of Adventure" (1886) [12], Фрэнка Савиля (Savile, 1865-1950) "Beyond the Great South Wall: The Secret of the Antarctic" (1901) [18] и др. В контексте «Затерянного мира» наиболее интересный роман, действие которого происходит в Южной Америке, — это, вероятно, "The Devil-Tree of El Dorado" (1897) Френсиса Аткинса (Фрэнка Обри) (Atkins, 1847-1927) [2], где в качестве сеттинга затерянного мира используется загадочное горное плато (гора Рорайма как потенциальное Эльдорадо), включающее доисторических людей и гигантское плотоядное дерево-монстр.

Помимо предоставления «белых пятен» на карте, которые могли быть заполнены воображением писателя, Южная Америка обладала неоспоримой научной релевантностью, в особенности в контексте зоологических исследований. Регион служил естественной лабораторией для ведущих учёных эпохи — Чарльза Дарвина, Альфреда Рассела Уоллеса (Wallace, 1823-1913) и Генри Уолтера Бейтса (Bates, 1825-1892), чьи полевые изыскания на континенте привели к фундаментальным открытиям в понимании биологических механизмов. Артур Конан Дойл не просто учитывал этот историко-научный контекст, но стратегически выстраивал преемственность между реальными естествоиспытателями и вымышленной экспедицией профессора Челленджера. В нарративной логике романа предшественники-натуралисты оставили нерешенные исследовательские задачи, что концептуально оправдывает научную миссию Челленджера как продолжение их работы. Значимо, что маршрут к затерянному миру был обнаружен протагонистом именно в ходе этой «вторичной» экспедиции, что подчеркивает диалектическую связь между академическим знанием и случайным открытием в процессе научного поиска: "In the first place, you are probably aware that two years ago I made a journey to South America — one which will be classical in the scientific history of the world? The object of my journey was to verify some conclusions of Wallace and of Bates, which could only be done by observing their reported facts under the same conditions in which they had themselves noted them. If my expedition had no other results, it would still have been noteworthy, but a curi-

ous incident occurred to me while there which opened up an entirely fresh line of inquiry" [7, p. 45].

Роман А. Конана Дойла акцентирует внимание читателя на том, что значительная часть биологических открытий XIX столетия была получена в ходе сложных и сопряжённых с риском полевых изысканий. Успешное осуществление подобных исследований требовало от учёного личных качеств, соответствующих идеалу «имперского героя» – мужества, стойкости и моральной принципиальности. Таким образом, в произведении происходит синтез двух ключевых дискурсов викторианской эпохи: имперской идеологии, прославляющей экспансию и покорение неизведанных территорий, и научной романтики, поэтизирующей процесс познания: "...both Summerlee and Challenger possessed that highest type of bravery, the bravery of the scientific mind. Theirs was the spirit which upheld Darwin among the gauchos of the Argentine or Wallace among the head-hunters of Malaya" [Ibid., p. 116-117].

Путем апелляции к научному авторитету Дарвина и Уоллеса, чья исследовательская деятельность, подобно экспедиции Челленджера, протекала в условиях дикой природы, Дойл актуализирует тезис о реальности феномена ученого-первопроходца. Писатель аргументирует, что его главный герой не является литературной фикцией, а имеет исторические прототипы. Для этих ученых служение науке и получение нового знания представляло собой комплексное испытание, требующее мобилизации как физических, так и интеллектуальных ресурсов.

В данном контексте фамилия профессора может считаться «говорящей». *Challenger* в произведениях Дойла функционирует как характерный антропоним, семантика которого актуализируется через научную деятельность персонажа, полевые исследования и конфронтацию с академическим сообществом. Наличие ономастической аллюзии к исторической экспедиции на *HMS Challenger* (1872–1876), фундаментальной для становления океанографии, подкрепляется биографическим контекстом: один из участников данной научной миссии, Чарльз Уайвилл Томсон (Thomson, 1830–1882), входил в число университетских преподавателей Дойла [16, p. 4]. При этом прототипическую основу персонажа составил физиолог Уильям Резерфорд (Rutherford, 1839–1899), чьи внешние характеристики (массивное телосложение, борода) и коммуникативные особенности (мощный голос, прямолинейность) были транслированы на литературный образ [Ibid., p. 5]. В современном литературоведении укрепилась также концепция, интерпретирующая Челленджера как одно из *alter ego* самого автора [5, p. 139] [17, p. 129], что подтверждается сравнительным анализом его личной переписки и мемуаров [19, p. 276], фиксирующим особую эмоциональную вовлеченность Дойла в развитие этого персонажа в противовес его известному равнодушию к Шерлоку Холмсу.

В 4-й главе Челленджер с благодарностью упоминает своего друга: "This is an excellent monograph by my gifted friend, Ray Lankester!" [7, p. 52]. Научные воззрения Эдвина Рая Ланкестера (Lankester, 1847–1929) находят отражение в его монографии "Extinct Animals" (1905), где он, в частности, предпринимает попытку этиологического анализа причин вымирания отдельных биологических видов, в том числе динозавров: "Very probably this small size of the brain of great extinct animals has to do with the fact of their ceasing to exist. Animals with bigger and ever-increasing brains outdid them in the struggle for existence" [13, p. 209]. В художественном произведении Дойля данная теоретическая позиция находит воплощение в научной дискуссии, которую ведут персонажи Челленджер и Саммерли. Предметом их полемики становится анализ причин тотального исчезновения динозавров за пределами ограниченного ареала плато: "Both were agreed that the monsters were practically brainless, that there was no room for reason in their tiny cranial cavities, and that if they have disappeared from the rest of the world it was assuredly on account of their own stupidity, which made it impossible for them to adapt themselves to changing conditions" [7, p. 221]. В соответствии с данной концепцией, плато в романе Дойла представляет собой не зону приостановления действия эволюционных законов, а ареал, где биологическая эволюция оказалась законсервированной вследствие стабильности условий окружающей среды в этой изолированной экосистеме. Парадоксальным образом, ряд элементов в романе опровергает тезис о полностью статичной среде плато. Особое значение имеют факты существования человекаобразных обезьян и индейских племен, чье антропогенное воздействие на экосистему невозможно игнорировать. Более того, из повествования становится известно, что многие игуанодоны "were kept as tame herds by their owners" [Ibid., p. 272], что свидетельствует о зарождении элементов человеческого доминирования. Тем не менее, представляется, что баланс сил между различными видами на плато оставался относительно стабильным вплоть до вторжения экспедиции Челленджера, которое и привело к разрушению крупного равновесия.

Показательно, что факт отсутствия динозавров на территории Англии интерпретируется в нарративе как веское подтверждение эволюционной модели. Данный вывод возникает в момент осознания исследователями, что обнаруженные на плато существа соответствуют ископаемым останкам, известным по британским палеонтологическим находкам, как-то демонстрирует пример игуанодона: "Iguanodons, ' said Summerlee. 'You'll find their footmarks all over the Hastings sands, in Kent, and in Sussex. The South of England was alive with them when there was plenty of good, lush greenstuff to keep them going. Conditions have changed, and the beasts died. Here it seems that the conditions have not changed, and the beasts have lived" [Ibid., p. 173]. Указанная аналогия яв-

ляется методологически оправданной, если принять во внимание лидирующую роль Великобритании в становлении палеонтологии как научной дисциплины на протяжении XIX столетия. Пионерские открытия Мэри Эннинг (Anning, 1799–1847) в Лайм-Реджисе (1820-е годы) создали фундамент для последующих исследований доисторических рептилий. В данном контексте знакомство персонажей Дойла с мезозойской фауной не носит характера абсолютного открытия, а отражает глубокий личный интерес автора к древней истории Британских островов. Историческая проблематика всегда занимала значимое место в творчестве писателя, что особенно наглядно проявилось в его историко-приключенческих произведениях. Однако в начале XX века его научные интересы сместились в область палеонтологии и изучения динозавров [15, р. 327] [3]. «Затерянный мир» хронологически не был первым произведением Дойла, в котором появляется доисторическое существо, неожиданно возникающее в современном мире. В его рассказе “The Terror of Blue John Gap” (1910) английскую сельскую местность терроризирует исполинский пещерный медведь, чье существование и природа в итоге получают эволюционную трактовку. Согласно биографическим данным, увлечение Конан Дойла палеонтологическими находками зародилось в период его обучения в школе, где он регулярно сталкивался с ископаемыми материалами из раскопок близлежащих локаций [14, р. 560]. По мнению Батори и Сарджента, именно обнаружение в 1909 году следов игуанодона в местности Хай-Уилд в Кроуборо (Сассекс) привлекло внимание сэра Артура Конана Дойла и послужило стимулом к созданию «За-

терянного мира» [3, р. 13]. Писатель заказал даже гипсовые слепки этих окаменелых следов для своего дома в Сассексе и использовал фотографию подобного отпечатка игуанодона в качестве иллюстрации к роману [Ibid., р. 15–17]. В произведении Челленджер сразу же узнаёт уилденские отпечатки при их обнаружении на плато [7, р. 169] и устанавливает их связь с британскими исследованиями доисторической фауны. Характерно, что первоначальный трепет персонажей Дойла быстро сменяется систематическим анализом, что позволяет предположить: целью научно-приключенческого повествования Челленджера является в первую очередь поиск новых знаний, где древних чудовищ следует изучать, а не уничтожать. Благоговейный трепет, который скульптурные и графические изображения динозавров вызывали у викторианской публики [1], в романе Дойла сменяется экзистенциальным ужасом. Доисторические создания не осознают своей предполагаемой эволюционной неполноценности и вполне могут включить британских джентльменов в свой пищевой рацион. Отсутствие развитого головного мозга делает динозавров в романе практически неуязвимыми, а современное британское оружие, покорившее коренные народы империи, оказывается бесполезным против древних ящеров. Смертельная опасность, исходящая от доисторических существ, придает произведению элементы саспенса и готического кошмара. Однако благодаря изобретательности и помощи аборигенов европейские путешественники выживают в юрском мире, что символически подтверждает теорию «лестницы существ» в эволюционной интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aquino L. How the Public Reacted When Dinosaurs Were First Revealed. [Электронный ресурс] // dino-world.com [сайт]. [2025] URL: <https://dino-world.com/how-the-public-reacted-when-dinosaurs-were-first-revealed-2-19168/> (дата обращения 07.10.25).
2. Aubrey F. The Devil-Tree of El Dorado: A Novel. NY: New Amsterdam Book Company; L.: Hutchinson & Co, 1897. 440 p.
3. Batory D.R., Sarjeant W.A.S. Sussex Iguanodon Footprints and the Writing of The Lost World / D.D. Gillette, M.G. Lockley (Eds.) // Dinosaur Tracks and Traces. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 1-18.
4. Commander Peary on His Expedition // The Times (4 May 1910). P. 10.
5. Coren M. Conan Doyle. L.: Bloomsbury, 1996. 246 p.
6. Desmond A.J. Thomas Henry Huxley: British biologist. [Электронный ресурс] // www.britannica.com [сайт]. [2025] URL: <https://www.britannica.com/biography/Thomas-Henry-Huxley> (дата обращения 07.10.25).
7. Doyle A.C. The Lost World. L.; NY: Hodder and Stoughton, 1912. 350 p.
8. Doyle A.C. Memories and Adventures. Boston: Little, Brown and Co., 1924. 450 p.
9. Doyle A.C. The Terror of Blue John Gap // A.C. Doyle. Tales of Terror and Mystery. Naples Florida: Trident Press International, 2001. (Classics of Mystery and Suspense). P. 53-70.
10. Fraser R. Victorian Quest Romance: Stevenson, Haggard, Kipling, Conan Doyle. Oxford: Oxford University Press, 1998. (Writers and Their Work). 93 p.
11. Haggard R.H. King Solomon's Mines. NY: Longmans, Green and Co., 1920. 274 p.
12. Haggard R.H. She: A History of Adventure. L.: Longmans, Green and Co., 1888. 277 p.
13. Lankester E.R. Extinct Animals. L.: Archibald Constable & Co., Ltd, 1909. 331 p.
14. Lellenberg J., Stashower D., Foley C. Arthur Conan Doyle: A Life in Letters. L., NY, Toronto, Sydney and New Dehli: Harper Perennial, 2008. 726 p.
15. Lycett A. The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle. NY, L., Toronto, Sydney: Free Press, 2008. x, 558 p., [16] p. of plates.
16. Orel H. (Ed.) Sir Arthur Conan Doyle: Interviews and Recollections. NY: St. Martin's Press, 1991. xvii, 278 p.
17. Pearsall R. Conan Doyle: A Biographical Solution. NY: St. Martin's Press, 1977. vii, 208 p.

18. Savile F. *Beyond the Great South Wall: The Secret of the Antarctic*. NY: New Amsterdam Book Company, MCMI. 322 p.
19. Stashower D. *Teller of Tales: The Life of Arthur Conan Doyle*. NY: Henry Holt and Co., 1999. xv, 472 p.

© Портнягин Дмитрий Валерьевич (portdim73@mail.ru), Балахонова Вера Анатольевна (balachonovava@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»